

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЕДНЫЙ
ГОРОД

Зинаида Гиппиус
Бедный город

«Public Domain»

1906

Гиппиус З. Н.

Бедный город / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1906

«Париж... Я его не «люблю», прежде всего. То есть он не люб мне, не мил мне, как мила, любя нежная Флоренция, темный, тихий Рим, даже отчасти наш Петербург, прямой, бледный, страшный, призрачный. Я знаю эту влюбленность в города. Ночью не спится от волнующего блаженства, а днем бродишь до усталости все равно где, и каждое лицо кажется красивым, каждый человек – близким, потому что он идет по милой улице, каждый камень мостовой – нужным. Если долго живешь – пена влюбленности исчезает, но память о ней, и возможность ее возвращения, и тихая, благодарная любовь – остаются...»

© Гиппиус З. Н., 1906

© Public Domain, 1906

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

6

Зинаида Гиппиус

Бедный город

Париж... Я его не «люблю», прежде всего. То есть он не люб мне, не мил мне, как мила, любя нежная Флоренция, темный, тихий Рим, даже отчасти наш Петербург, прямой, бледный, страшный, призрачный. Я знаю эту влюбленность в города. Ночью не спится от волнующего блаженства, а днем бродишь до устали все равно где, и каждое лицо кажется красивым, каждый человек – близким, потому что он идет по милой улице, каждый камень мостовой – нужным. Если долго живешь – пена влюбленности исчезает, но память о ней, и возможность ее возвращения, и тихая, благодарная любовь – остаются.

О, конечно, не история города создает эту любовь к нему, так же, как и не внешняя красота его, так же, как и не жизнь его в настоящий момент. Вероятно, все вместе творит его образ, живой, который мы видим, ощущаем, и это живое единое существо пленяет неотразимо. Я не думаю о древнем Риме и его величии, когда стою на перекрестке, недалеко от Пантеона, у бедной merceria¹, где крут поворот рельс электрической конки и где черный мальчишка переругивается с дурно одетой синьориной; мне все равно, что было тут прежде; мне нравится так, как сейчас; но не спорю, верно, не было бы так, как сейчас, если бы прежде не было так, как было. И от любви моей к Риму – растет и утверждается моя любовь к его великой истории; а не наоборот.

Пусть это субъективно. Любовь или не любовь не лишает меня нисколько возможности судить здраво и объективно, в полном спокойствии и справедливости – хотя бы о том же Париже. Но интересно ли это? Все знают (и я со всеми), что Париж прекрасен, что он весел, шумен и блестящ, что история его не менее величественна, нежели история Рима, а культура выше, настолько, насколько Эйфелева башня выше храма Петра (пожалуй, и того выше). Важно не то. Важно, есть ли возможность человеку, умеющему любить города, как живые существа, и человеку, не бессознательному, человеку, ищущему вечного во временном прежде всего, – есть ли ему возможность любить Париж?

Я люблю мир в нем – как везде. Но лик самого города – мне страшен. И жалок. Я люблю дворцы его и берега его реки – по душа города, со всем прошлым своим, которое создало ее настоящее, – отталкивает и угнетает меня.

Однообразен шум потока, одинакова зелень леса, каждый день повторяет солнце свой восход и заход; но разве не чувствуется и не знается, что это не возвращение по кругу, не вечные повторения, а новая струя шумит, и деревья разные, и закаты и зори – не вчерашние? Живое не страшно, и мертвое не страшно. Но ничто не дает такого холодного, почти неразумного ужаса, как подделка мертвого под живое. Нет ничего страшнее автомата.

И вот, в звуках Парижа, в его движении, в его красках, в лицах и одеждах его людей – есть автоматизм. Я не говорю: Париж – автомат. Я говорю точно: есть автоматизм, есть этот последний ужас в лице города.

Один и тот же мотив свистит и пробегающий мальчишка, и наигрывает кто-то внизу на рояли; одна и та же шляпка надета на всех женских головах, другая на мужских; один голос ревет из каждого, правильно и одинаково воняющего, автомобиля. И как будто одна громадная, рассыпавшаяся на сорок тысяч мелких, проститутка ходит вечером по одному длинному бульвару, повторяя одно и то же слово. Вещи, и деньги, и люди – всё движется по кругу; потому что всё (и все), без остановки, покупается, продается, и вновь продается, и опять покупается. Не важно, кто и что: всё решительно покупается, как всё и все решительно продаются.

---

¹ галантерея (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.